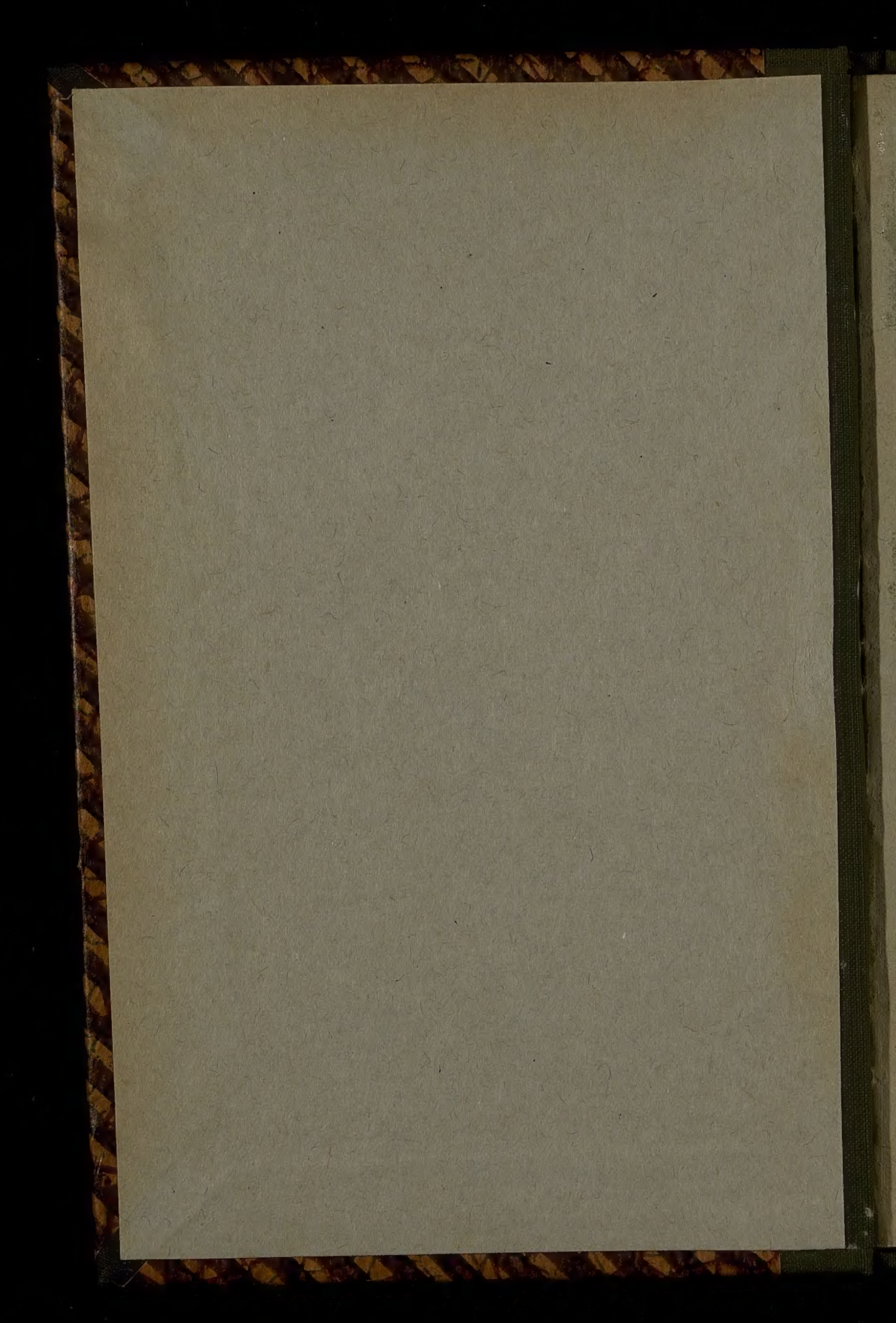

СЛОВАРИ

ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ.

—

Я. К. Грота.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
28-го Апрѣля 1858 года.
Испр. должн. Непремѣн. Секретаря *К. Веселовскій.*

Изъ 2 выпуска VII тома Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи.

СЛОВАРИ ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ уже нѣсколько лѣтъ занимается собираніемъ областныхъ словъ Велико-Русскаго языка. Въ 1852 г. оно издало Опытъ Областнаго Словаря; но, не удовольствовавшись этимъ трудомъ, который не могъ исчерпать всего богатства народной рѣчи, и не желая остановиться на половинѣ задуманнаго дѣла, Отдѣленіе съ тѣхъ поръ не переставало пополнять свои запасы областныхъ реченій и приводить ихъ постепенно въ порядокъ. Трудами неутомимаго ветерана Академіи А. Х. Востокова дополнительный томъ Областнаго Словаря теперь почти уже приведенъ къ окончанію и печатаніе его производится дѣятельно. Первоначальный «Опытъ» встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и всѣми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и для изученія народнаго духа. Но такъ какъ это для насъ дѣло еще совершенно новое, то не удивительно, что съ разныхъ сторонъ возникли сомнѣнія въ пользѣ его и даже недо-

разумѣнія относительно самой его сущности. Чтобы хоть сколько нибудь содѣйствовать къ разъясненію вопроса, я намѣренъ указать на то, что сдѣлано по этому предмету у однаго изъ самыхъ образованныхъ народовъ Европы, именно у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ Русскаго Областнаго Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство матеріаловъ для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: «Die Litteratur der Deutshen Mundarten» (Литература нѣмецкихъ нарѣчій). Это систематическій каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается до 446. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсень и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія Германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ Аллеманское, Швабское, нижне-Лотарингское, Вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія, изъ которыхъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію Германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-Саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго

верхне-Нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинають являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770-хъ годовъ. Наконецъ съ наступленія нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе обогащается.

Передо мною лежитъ цѣлая кипа изданій по разнымъ нарѣчіямъ Нѣмецкаго языка. Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ Германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда означенныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Соблюденіе при этомъ хронологической послѣдовательности изданій будетъ самымъ удобнымъ порядкомъ. Начнемъ съ нижне-Нѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г. Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: «Я не хотѣлъ оставлять безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою чернью. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами».

Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ составъ подобныхъ словарей: «Я не ограничивался, говоритъ онъ, тѣми особенностями нижне-Нѣмецкаго языка, которыя встрѣчаются исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду тѣ, которые своимъ областнымъ сло-

варямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного, который бы по справедливости могъ такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-Нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляется у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, что́ въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кому это нужно; а что употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ».

Въ 1800 г. Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ Голштинскій «Idiotikon» или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы къ исторіи народныхъ нравовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ Голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ, что «въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не полагалъ себѣ цѣли такъ серьезно,» хотя и увѣренъ, что «послѣ него многіе конечно будутъ поставлять ее столь же серьезно и лучше».

«Виландъ говоритъ: Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: это лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ». Нижне-Нѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно

напротивъ. Онъ не прикрываетъ, не подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это особенно для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращенiемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ?), я старался различать и разработывать двоякiй Голштинскiй языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословiе, стараясь по своему украшать и обогащать его. Другой употребляетъ образованное городское общество въ дружескихъ сношенiяхъ, конечно съ приличiемъ, но къ сожалѣнiю не съ надлежащею правильностiю и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснить правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденiямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно соблюдать строгую разборчивость при сообщенiи народныхъ поговорокъ, присловiй и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ такъ какъ, къ сожалѣнiю, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченiй и оборотовъ именно и составляетъ богатство Голштинскаго нарѣчiя, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнiю, которое со мной раздѣляютъ многiе достойные и свѣдущiе сотрудники мои, объявившiе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданiе богатства и непринужденности языка,

который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ Французскому».

Составитель Геннебергскаго идіотикона въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, которыхъ онъ держался:

«Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ, — если притомъ они Германскаго происхожденія, —носятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они мѣстны въ томъ смыслѣ, что указываютъ на какую нибудь георафическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Äte (у Ульфилы Atta) отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое — Славянское, а второе — Нѣмецкое слово Напротивъ того я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои».

Въ «Опытѣ Швейцарскаго идіотикона, перемѣшаннаго этимологическими замѣчаніями» (1812 Ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

«Пусть Швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе Нѣмецкіе филологи най-

дутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій; они найдутъ здѣсь чисто-Нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенное обиліе звукоподражательныхъ словъ.

«Подъ Швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ Нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

«Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ Нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п., б) простыя междометія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, которые почти вездѣ одинаковы и в) сокращенія крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

«То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ я дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-Швейцарскаго идіотикона, еслибъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій или, какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе, — источникъ языка (eine Sprachquelle)».

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически Шмеллеромъ, умершимъ еще очень недавно. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

«Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ, въ которомъ болѣе нежели въ чемъ либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и тѣлесная жизнь и дѣятельность народа во времени и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

«Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или пожалуй употребить съ пользою: то они могутъ разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, какое пробуждаютъ остатки сѣдой старины, — разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило

мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны».

Тотъ же Шмеллеръ въ послѣдствіи (1827) издалъ Баварскій словарь. Изъ предисловія къ этой книгѣ я выпишу только нѣсколько строкъ, но многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ II Отдѣленія Академіи Наукъ.

«Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало, и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько нибудь продолжается». Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно внесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831) снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ, старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потеряннымъ время, употребленное на этотъ трудъ, еслибъ тутъ не было ничего кромѣ сбора словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда, конечно — замѣчаетъ онъ — словарь не былъ бы безполезенъ.

Наконецъ выпишемъ нѣсколько строкъ изъ книжки хотя и совсѣмъ другаго рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу. «Der Oldenburger in Sprache und

Sprüchwort». Такова особенно первая глава ея: «Языкъ есть народъ», въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждая особенность языка — состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или удареніи — открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его, не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею — все таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная».

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что Нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ народный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междометія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому непрочныя, также слова, которыя только въ звукахъ представляютъ видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ

реченій. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія словъ, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣну у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что исключая повидимому только лишнее, легко можно наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго Скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ при изданіи его превосходнаго словаря народнаго Норвежскаго языка. Разсуждая объ исключеніи послѣдняго изъ означенныхъ мною выше менѣе нужныхъ разрядовъ словъ, онъ такъ оговаривается:

«Однакожь часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ, когда имъ поясняется какой нибудь переходъ въ языкѣ или цѣлое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ опущеніи такихъ реченій: отверженное слово можетъ въ послѣдствіи оказаться имѣющимъ цѣну, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ языкѣ и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними

словами; и такъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія».

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія Европейской науки на предпріятіе II-го Отдѣленія Академіи Наукъ собрать всѣ областныя слова Великорусскаго языка; слѣдовательно вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено. Опытъ Областнаго Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не принадлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись печатаемыя нынѣ дополненія къ Опыту: и такъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ и безпристрастно, и свободно. При обширности съ одной стороны плана, обнимавшаго всѣ Великорусскія нарѣчія, а съ другой—непомѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ правительства. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большой части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ реченій и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ словаремъ предисловіе, само ясно сознавало ихъ недостаточность. Рѣшившись не отлагать на неопредѣленное время выполненія своей мысли, оно конечно заслужило благодарность Русскихъ ученыхъ и всѣхъ, кому дороги успѣхи отечественной филологіи. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не

сочло нужнымъ распространяться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава словаря. «Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, не рѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились въ слѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія.»—Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами; 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подмѣчено собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространнести. Конечно на

первый случай необходимо и то не полное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ словарь, но на это указаніе надобно смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній въ послѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образованію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ — слова областныя; 2) слова, употребляемыя Великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи — слова народныя, и 3) слова, нечуждыя даже и языку образованныхъ сословій Великороссіянъ — слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно немного и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ Акад. Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе, въ совокупности — народнаго Великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, зани-

маемомъ Велико-Россіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ, и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны для изученія Россіи и ея народа, что изданіе ихъ всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки Русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Такой характеръ Опыта Областнаго Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, котораго дальнѣйшаго развитія и такъ сказать развѣтвленія нельзя было, да и теперь еще невозможно ни предвидѣть, ни разсчитать,—кажется, налагалъ на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое такой словарь можетъ имѣть при всякихъ разъисканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣдованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, какъ бы оно ни казалось испорченнымъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что можетъ послужить сколько нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Отдѣленіе вполнѣ поняло свою задачу и, не позволяя себѣ ни малѣйшаго произвола въ предпочтеніи однихъ словъ передъ другими, дало Русскимъ лингвистамъ лексикографическій трудъ, построенный на самомъ широкомъ основаніи и соединяющій въ себѣ начатки для многихъ послѣдующихъ болѣе спеціальныхъ работъ этого рода. Если при такой обширности плана, въ словарь вошли кое-

какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которыя были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ низкихъ или искаженныхъ. Слова, которыя въ послѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть либо исправлены, либо отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало бы, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ видѣ своемъ представляетъ трудъ неисчерпаемый въ пользѣ, какую можно извлечь изъ него для изученія Россіи, Русскаго народа и языка. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ, объ этой пользѣ говорится съ удивительною скромностью и даже какъ будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Еслибъ надлежало точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы распредѣлить ихъ на слѣдующія категоріи.

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ слышится безпрестанно прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина;* въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить*—имѣть боль въ какой либо части тѣла—и *скомлѣть* — страдать отъ болѣзни: лошадь скоми́тъ на заднюю ногу, онъ что-то скоми́тъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ гомонъ — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомъ* или *гомь,* — а это-тоже самое, что болѣе употребительное слово *гамъ,* отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить, гамѣть* и *гамять.* Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *угомонить* объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонить* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать—является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали* вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страда́ль* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной тѣлячьей кожи, но областной словарь знакомитъ насъ съ настоящимъ, кореннымъ значеніемъ этого имени — теленокъ (опивающійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ,* т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означе-

нію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу представляютъ намъ языки Германскіе въ своихъ подобозвучн. именахъ stock (Нѣм.), stack (Шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается не иначе какъ сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука*.

Въ Акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: «то же, что *тлѣнъ;* употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла». Это же слово встрѣчаемъ въ опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: «Дно въ ульѣ». Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ Славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно*, *земля*: домъ сгорѣлъ до тла значитъ; до самаго основанія, до поверхности земли. Tło по-Польски именно означаетъ полъ, землю и т. п. и конечно одного съ нимъ происхожденія глаголъ *толочь*, который по Польски (tłuc) между прочимъ значитъ топать, т. е. бить ногами о землю, объ полъ. Ср. еще *толочить*, *потолока*, также Славянское *тлакъ* и наше *по-толокъ*, котораго первоначальное значеніе конечно тоже, что *полъ*. Подобную же двойственность значенія находимъ въ соотвѣтственныхъ словахъ: Нѣм. Boden (полъ или дно и чердакъ) и Франц. plafond (plat *fond*).

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ ихъ объясняются также многія имена собственныя, которыя въ слѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень*, *Ряса*, *Соловки* открывается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышемъ; *ряса*, названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи — означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (тоже, что Нева, по фински newo). Слова *соловки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначащее *соловцы*—бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома*, *Калуга.*

3) Областныя Русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія Славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отъискиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ для выраженія понятія кусокъ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово — *ковáлокъ*, находящееся и въ Польскомъ языкѣ (kawał, kawałek);—въ Исландск. kafli, въ Финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи; такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе.

Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье*, которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: «навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур. Тул.)». Слова́ *туга* (тоска) и *буесть* (отвага), въ слѣдствіе появленія областнаго словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго Великаго Князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ) становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой*, *стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Обл. Словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи Русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ не достаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ по-

добныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина*, — ледъ, находящійся въ землѣ и тающій позднѣе прочаго, — и *временить* или *времениться* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отъискать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа.

Наконецъ, чтобы однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областнаго Словаря не смотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области Русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

